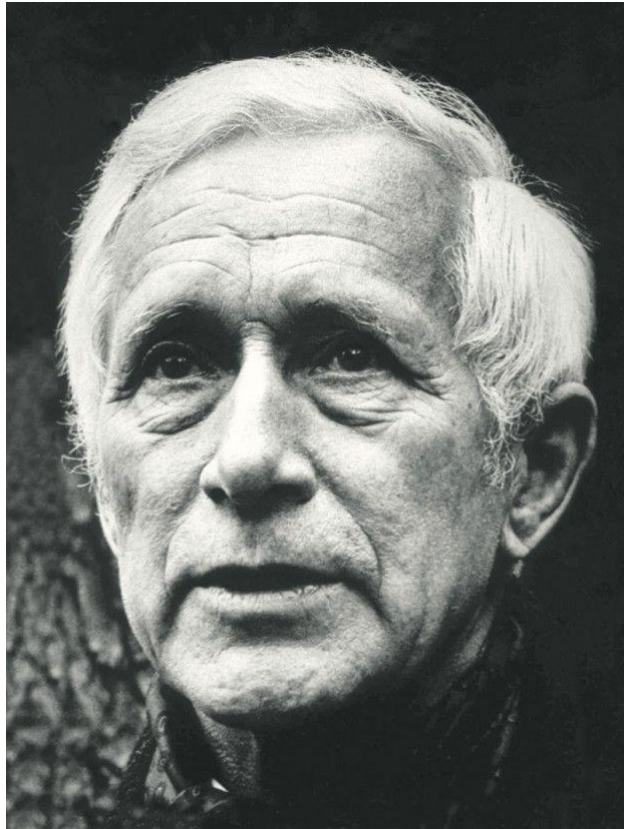

Каждая нация переживает период крушения, когда кажется, что все безвозвратно потеряно. Большинство склонно искать виноватых; те, что порассудительней – об'ективные причины; единицы возвышаются до осознания внутренних движущих сил и действуют на создание будущего. Эрнст Юнгер прожил век и два года не оглядываясь ни на авторитеты, ни на окружающих, ни на времена и обстоятельства. Воин, философ, писатель и ученый. Легенда.

РЕВОЛЮЦИЯ

Die Standarte. 1925. 18 Oktober.

Кто не старается сначала увидеть силу и только потом ее особое проявление, тот вскоре запутывается в бесчисленных противоречиях, господствующих над нашей мгновенной постановкой вопроса. В особенности человек нации стремится, преодолевая личные чувства и точки зрения, найти подлинный смысл, ибо он хочет целого, а не части. Только в достаточной степени расширив постановку вопроса, можно надеяться, что постигнешь всеобщую связь, иначе остаешься при частичных истинах и партийных премудростях.

Но чем ближе подходишь к моменту исторического времени, тем труднее найти нужную дистанцию и сохранить беспристрастность. Это происходит с нами при рассмотрении революции, или явления, которое у нас так называется. Распространенный образ — удар кинжала, нанесенный сзади, жертвой которого пала действующая армия. Этот образ, говоря вместе с Марксом¹, исключительно театральный; он восходит к воззрению, будто историю делают личности, а не высшая сила, так что слишком много чести оказывается единичному. И революционер придерживается убеждения, что это он положил конец войне, видя в ней преступление. Но если вряд ли возможно «делать» войну, столь же невозможно ее закончить. Война заканчивается в момент, когда судьба отказалась проявлять в такой форме свои великие силовые потоки, не раньше и не позже, и как в апогее войны человек был всего лишь одним из выражений высшей воли, так ничем другим не бывает он и при ее конце.

«Театральное понимание» ведет к неразрешимым противоречиям. Взглянем на экипаж военного корабля. В начале войны мы видим отборную команду, вооруженную всеми средствами мощи, отважную, сильную, обученную, вдохновленную войной, одушевленную империалистической волей, которой нельзя пожелать лучших орудий. Наступает великая проба сил, и эти люди, от адмирала до последнего кочегара, показывают, что цель им по плечу. И как раз здесь, на море, где техника проявляется в своих последних изощреннейших формах, допускающих невозможную на твердой земле концентрацию, когда воюют сплоченно, не рассеянные по отдельным воронкам от гранат, бывают моменты, когда идея войны выступает в своей чистоте и благородстве с великолепной романтикой. Подвиги совершаются тогда, когда, кажется, действует не сам человек, а кристально ясная идея, подвиги, равные достижениям любой великой прошлой эпохи, заносимые в историю как твердое завоевание для будущего, еще способного ценить отвагу и мужество. Мы никогда не перестанем гордиться тем, что у нас было не прославленным исключением, а правилом, когда тонущий корабль погибал с криками «ура!» и развевающимся флагом и когда каждый в отдельности уже смотрел прямо в темные глазницы смерти. Мы никогда не можем читать без возвышающего чувства в груди о той битве, когда команда, уже полузастывшая в ледяной воде, воодушевленно пела песни и когда корабли, испещренные пробоинами от снарядов, уже с винтами в воздухе, готовились к торпедной атаке, чтобы по крайней мере достойно держаться перед потоплением. Все это воздействует на нас, как настоящее сказание.

¹ Речь идет о Вильгельме Марксе (1863—1946), авторе книги «Мировая война в свете естественнаучного исторического восприятия и профанической мысли кадрового офицера о расовом вопросе». Эту книгу, вышедшую в 1919 году, переизданную в 1921 и в 1924 годах, Эрнст Юнгер называет остроумной.

Недавно появился труд главного морского штаба о войне в Северном море. Труд написан в трезвом деловом стиле, свойственном морским офицерам, но именно в таком стиле проступает с особой отчетливостью героическая сторона современного человека. Но, быть может, кое-кому среди тех, кто охотно читает о смелых людях и их подвигах, приходила в голову мысль: где были эти героические экипажи в 1918 году, когда все рухнуло? Возможно ли, мыслимо ли, что такие люди на мачтах таких кораблей подняли красный флаг революции? И где на самом деле были сердца этих людей — там ли, где грозящими ударами их снарядов была сокрушена эскадра английских крейсеров, или там, где провозглашалось: мир, свобода, хлеб? Иначе говоря, как могли эти храбрые люди оказаться такими мерзавцами?

И тут начинаются рассуждения, знакомые нам по бесконечным горячим спорам, когда силится объяснить якобы непостижимое внешними причинами. Выступают против дисциплины в ее формах, принятых у нас, ссылаются на подрывную пропаганду изнутри, а также извне. Обсуждается снабжение с его предпосылками, энергии яичного белка и углеводов связываются с жизненной силой. Говорят, почему дольше держалась действующая армия, не слишком ли стары или не слишком ли молоды офицеры, и везде сообразно с точкой зрения рассуждающего отыскиваются больные места.

Конечно, такие вопросы в высшей степени важны. В них уже бессознательно сказывается воля выступить в лучших, прилежнейших формах перед будущим решением. Но они нащупывают именно формы, а не существо. Сущность.

Кто хочет видеть сущность, тот должен думать исторически, то есть во всем, что происходит, видеть нечто необходимое. История не знает ошибок; она знает только то, что было, и это хорошо. Когда в мышлении революционера 1918 года вскрывают ошибку, будто там война понимается не как событие судьбоносного значения, а как некое безумие, легко предотвращаемое интеллектуальными или моральными воззрениями, эту ошибку не следует повторять подобной же установкой по отношению к революции. Да, пора совершенно ясно высказать, несмотря на навверняка превратное понимание: в революции тоже была необходимость. То было необходимое подведение черты под этой войной, но отнюдь не подведение черты под войной вообще. Была ли она достойным явлением, соизмеримым с высшими достижениями самой войны, это другой вопрос, относящийся к области личных толкований. Сначала, однако, следует прояснить сущность.

Бесспорно обстоятельство, что люди, хорошо сражавшиеся на войне, впоследствии также хорошо служили революции, и это не может не изумлять. Здесь не обойтись одними личными вопрошаниями, здесь нужно усилие постигнуть идею. Ибо от людей, умевших умирать под развевающимся флагом, вполне можно было бы ожидать, что даже при самом скудном продовольственном снабжении они сумели бы продержаться

еще год. Трудно допустить и внезапное изменение нравственных основ, столь резко выразившееся в том, что храбрые люди от какого-то внешнего побуждения вдруг могли превратиться в мерзавцев. Напротив, мы знаем, что зовем нашим существом или нашим характером нечто, имеющее обыкновение оставаться тем же на протяжении всей жизни. Мы снова и снова допускаем одни и те же ошибки, и наши хорошие стороны также всегда снова сказываются.

Это воззрение исходит из мнения, будто дурное начало проявилось в группе людей, таким образом противопоставивших себя огромному целому. Подобное мнение несостоятельно; нам, скорее, следует усвоить понимание того, что мы все тем или иным способом участвовали в так называемой революции или в личном выражении несем за нее вину, — как те, кто активно проводил ее, «делал», так и все бесчисленные другие, оказывавшие всему этому пассивную поддержку, а к ним относятся едва ли не каждый человек нации, переживший эти дни. Исключение составляют немногие; к ним относятся офицеры военного корабля, прикрывшие флаг своими телами, чей подвиг всегда будет вызывать наше высочайшее уважение. Но не много было таких, в ком сохранился столь живой дух, и как раз избраннейшие к ним не принадлежали. Революционными были массы, которые несли по улицам красные флаги, но революционными были также обладатели власти, не велевшие в них стрелять, и еще большой вопрос, чьи действия скорее вели к цели.

То, что завершилось уже в материальной битве, разрушение эпохи, здесь выступило на языке государственной формы. Сила идеи старого рейха угасла не только у тех немногих, кто воображал под красным знаменем, будто делает революцию, но она угасла вообще у большинства. Можно было накрыть изобильнейшие столы, можно было любым мыслимым образом ослабить или ужесточить дисциплину, — ничто не помогло бы, когда часы остановились. Мы могли бы выиграть войну, переворот, быть может, последовал бы другими, невидимыми путями, но он последовал бы — мы видим это из того, что произошло или еще произойдет в государствах-победителях.

Этим объясняется то, что большие города, до которых враг не мог дойти за четыре года, попадали в руки часто до смешного небольшой шайки мятежников без единой капли пролитой крови. Чего не мог добиться целый мир, пока дух был еще силен, осуществили несколько сот человек, когда этого духа больше не было.

Когда ресурс внутренней силы старого рейха был израсходован, достаточно было дуновения, чтобы он рухнул подобно карточному домику. Могут ли помочь любые рассуждения о том, что, если бы мы продержались еще полгода, другие рухнули бы раньше, чем мы? История вынесла свой непререкаемый приговор, перед которым подобные расчеты воспринимаются как нечто детское, когда явлено Невидимое. Если бы мы продержались дольше, значит, больше была бы наша внутренняя сила, а тогда мы, возможно, выиграли бы войну уже на Марне.

Мы должны, хотя такое постижение дается тяжело, удовлетвориться мыслью, что мы еще не созрели для обладания великой империалистической мощью. Ее идея наличествовала у нас, великие начинания были предприняты, выдающиеся достижения свершились. Эти достижения произошли не даром, не напрасно, напрасных достижений не бывает, они еще сегодня действенны во всех отношениях. Но они могли достигнуть лишь того уровня, который соответствовал их внутренней силе.

Так мы угадываем, что силовое поле идеи проходит мимо нас и находит выражение во внешнем проявлении. Пока идея близка и могущественна, она вовлекает отдельного человека и массы в неслыханные деяния, выходя за свои собственные пределы и сообщая таким символам, как слава, честь, отчизна, плодотворную жизненную силу, но как только она угасает, все погружается во тьму. Тогда незначительными и маленькими становятся люди, в которых, казалось, только что воплощалась сама судьба, и вместо чести, долга, жертвы провозглашаются мир, свобода, хлеб.

Для настоящего мужества не может быть сомнения в том, в каком состоянии позиция человека выглядит внушительнее и нравственнее. Только когда за величайшей задачей стоит сам человек, только когда через него говорит высочайшая воля, он мощно возносится над личным и только тогда в его деяниях распознается глубочайшее значение. Так, для нас существенно, что сделал тот экипаж корабля, когда в нем была жива идея в полной мощи. Тогда каждая минута и каждая секунда обладали решающей ценностью. Что он делал, думал и чувствовал потом, когда великая общность судьбы должна была распасться, так как идея больше ее не соединяла, это не существенно. Те же самые люди кажутся нам значительными, пока они — выражение Величайшего, и они не представляют никакого интереса, когда они ничто другое, кроме как они сами.

В каждом произошло крушение эпохи. Один воспринял его болезненно, как непостижимое вторжение, другой поддакивал ему. Между тем оно стало историей, и мы можем только надеяться, что ростки нового величайшего рейха уже пробиваются. Ибо что такое человек без идеи, мы уже пережили. Во всем томлении нашего времени по вере и чувству обнаруживается эта пустота. Высшее — не формы, которые мы потеряли, а внутренняя сила, и на ее возвращение должна быть направлена наша надежда. Так называемая революция могла разрушить лишь формы, духа она не могла разрушить, ибо в своем существе она была не революцией, а всего лишь внешним знаком крушения.

Для нас важнейшее — не революция государственной формы, а революция души, которая из хаоса творит новые, землеродные формы. К тому же переживание войны означает для нас плодоносную почву, из которой для нас произрастет не отрицание, а новая, более мощная жизнь.

О личном в революции предстоит еще поговорить.